

УДК 78.071.1(477)

ТЕТЯНА ГОМОН

МУЗА І ЛЯТОШИНСЬКИЙ (НА МАТЕРІАЛІ ЕПІСТОЛЯРІЇВ КОМПОЗИТОРА 1914–1916 РОКІВ)

Проаналізовано листи Бориса Лятошинського 1914–1916 рр. до Маргарити Царевич, а також записи зі щоденника М. Царевич, які дають можливість відтворити образ юного композитора на початку його творчого шляху. У наданих джерелах простежено життєвий шлях Б. Лятошинського зазначеного періоду. Особливу увагу привертають його роздуми про природу творчості та детальний опис процесу створення Струнного квартету оп. 1, а також деяких вокальних та фортепіанних мініатюр.

Ключові слова: епістолярії, щоденник, квартет.

Татьяна Гомон. Муза и Лятошинский. Проанализированы письма Бориса Лятошинского 1914–1916 годов к Маргарите Царевич, а также записи из дневника М. Царевич, которые дают возможность воссоздать образ юного композитора в самом начале его творческого пути. В представленных источниках прослеживается жизненный путь Б. Лятошинского в указанный период. Особенное внимание привлекают его размышления о природе творчества и детальное описание процесса сочинения Струнного квартета оп. 1, а также некоторых вокальных и фортепианных миниатюр.

Ключевые слова: эпистолярии, дневник, квартет.

Tetyana Gomon. Muse and Lyatoshynsky. Author is analyzing correspondence of 1914–1916 between B. Lyatoshynsky and M. Tsarevych, as well as entries from the diary of M. Tsarevich. This cumulative data allows to outline the image of young B. Lyatoshynsky at the very beginning of his creative vocation. In the sources provided B. Lyatoshynsky's life journey of the given period is being traced. Special attention is draw to his thoughts on the nature of musical creativity and a detailed description of the composing of String Quartet op. 1 as well as some vocal and piano miniatures.

Keywords: epistolary, diary, quartet.

Одразу зазначимо, що спадщина видатного українського композитора Бориса Лятошинського і досі є не до кінця висвітленою в музикознавстві. Зокрема, недостатньо вивчено ранній період його творчості, який, на думку Н. Туровської, доволі часто отримує неоднозначну інтерпретацію дослідників. Тим часом він мав серйозний вплив на подальше професійне і творче становлення митця: «Ранній віковий етап – пора активного пізнання світу, непереборного потягу до творчості, коли природні здібності та вплив оточуючого середовища виступають головним підґрунтям народження унікальних художніх явищ. Саме вони дають можливість передбачити масштаб творчого обдарування, увиразнити знакові риси індивідуального стилю, окреслити комплекс соціокультурних факторів, що визначають людську та професійну долю митця. Попри очевидну перспективність цього кола проблем у простір наукових інтересів сучасного музикознавства рідко потрапляє ранній період формування індивідуального світобачення та творчої еволюції композитора»¹.

Мета статті – розкрити багатогранну особистість Б. Лятошинського як людини і музиканта в період його мистецького зростання, використовуючи власні висловлювання композитора про своє життя і творчість, які дійшли до нас завдяки дбайливому збереженню його приватного листування в архіві майстра.

Новизна статті полягає в тому, що вперше в українському музикознавстві представлені епістолярії 1914–1916 років Бориса Лятошинського та Маргарити Царевич²,

¹ Туровська Н. А. Ранній період композиторської творчості як феномен еволюційного процесу: дис. ... канд. мистецтвознав.: 17.00.03 Музичне мистецтво / Туровська Наталья Антонівна; Львівська нац. муз. акад. ім. М. В. Лисенка. – Л., 2009. – Арк. 4.

² Маргарита Олександрівна Царевич-Лятошинська (1894–1982) – співачка, педагог. Солістка Київської філармонії та Українського радіо. Педагог по класу вокалу Київського музичного училища імені Р. М. Глієра.

на той момент його нареченої, а згодом – дружини. Більшість листів та матеріалів щоденника Маргарити Царевич¹ ніколи раніше не потрапляли в поле зору дослідників.

Уривки з листів подано у хронологічному порядку. Ми побачили в них юного Б. Лятошинського живою та емоційною людиною, яка креативно реагує на музику, зокрема й на свою. Зокрема, лівова частка використаних цитат стосується роботи композитора над Струнним квартетом *ре мінор* оп. 1. Трапляються також згадки про деякі його ранні романси та фортепіанні твори.

Зауважимо, що, оскільки усі запропоновані у нашій статті листи мають одного адресата – Маргариту Царевич, то нам вдалося цікавим ознайомити читачів також із записами в її щоденнику та фрагментами листів Бориса Миколайовича до неї. Вибрані уривки з цих листів, окрім, безумовно, вираження ніжних почуттів до коханої жінки, окреслюють коло його мистецьких інтересів, захоплення композицією і водночас «прохолодне» ставлення до занять юриспруденцією.

Назва статті «Муза і Лятошинський» передбачає різні смислові інтерпретації. Адже поняття «Муза» охоплює як саму творчість композитора, так і сучасні йому музичні ідеї, що надихали до мистецької роботи, формуючи неповторний стильовий портрет майстра. Але, безперечно, головною Музою його ранньої творчості, та й усього його подальшого життя, була Маргарита Царевич. Саме завдяки цьому коханню народилася натхненна музика юного Бориса Лятошинського, оповита романтизмом, ніжністю, вишуканістю, що певною мірою контрастує з його подальшими творами.

¹ У щоденнику Маргарити Царевич загальним обсягом 74 рукописні сторінки охоплено період із 30 жовтня 1912 р. по квітень 1914 р. Далі у статті цитуватимемо цей щоденник та листування Б. Лятошинського і М. Царевич. Матеріали зберігається в Кабінеті-музеї Б. М. Лятошинського у Києві.

Майстер і Маргарита...

Зустріч Бориса Лятошинського з Маргаритою Царевич відбулася 1914 року. Приводом для цього послужила банальна причина – батьки дівчини запросили Б. Лятошинського приватно навчати їхню дочку гармонії, адже вона мріяла стати співачкою, але розуміла, що для цього слід здобути відповідну музичну освіту. У щоденнику Маргарити в запису від 30 січня 1913 року читаємо:

Моя мечта быть певицей. Господи, хоть бы у меня развился сценический голос. Это было бы мое все счастье. Что может быть лучше искусства? Служить ему. Играть на сцене, изображать героинь.

Немає нічого дивного, що згодом між двома молодими людьми, які пристрасно любили музику, виникла щира симпатія. Про це захоплення свідчить, зокрема, запис у щоденнику Маргарити Царевич від 15 лютого 1913 року, який передає її безпосередньо живе враження від концерту Й. Гофмана в Києві:

Вчера слышала Гофмана. До сих пор ещё не могу очнуться от его игры. Это что-то необыкновенное! Нечего говорить о беглости и о туше. Какая продуманность! Это музыкант-философ. Роль совершенно преображается под его игрой – то он поет, то напоминает рокот волн, то слышишь прямо-таки целый оркестр. Что может быть выше музыки! Это самое высокое. Как он играл сонату «Аpassionata» Бетховена! Я в жизни ничего подобного не слышала. Мама пошла взять билеты на его последний концерт. Это мастер. Удивляюсь, как могло показаться англичанину нашему, что у Гофмана мало души. У него всего как раз в меру. Значит, наш мистер мало понимает. [Далі не олівцем, а чорнилом. – Т. Г.] Мама билеты на 4 концерт взяла, я страшно рада. Кроме того, завтра ещё идем в театр на оперу Мейербера «Пророк».

Отже, Маргарита – ерудована дівчина, вона захоплюється новими течіями в літературі та мистецтві. Майже за рік до зустрічі зі своїм майбутнім учителем гармонії вона пише:

7 апреля [1913 р., Київ]

Нет греха в тех сердцах, что любовь пьют до дна,

Где любовь глубока – глубока и полна.

Если ж стынет очаг, пусть остынет совсем,

Тот, в ком чувство молчит, пусть совсем будет нем.

Это отрывок из стихотворения Бальмонта¹. Мне его произведения очень нравятся. Некоторые стихи напоминают симфонию. Недавно я читала Метерлинка², тоже очень понравился. Вообще, новое направление (только не крайнее) мне нравится, оно дает массу настроения. Здесь нет такой детальной разработки, как у Тургенева, Чехова, но тем не менее произведения современных писателей, как Метерлинка, Бальмонта, Андреева и других, даровитости нисколько не теряют. Читаешь драму «Непрошенная гостья»³ Метерлинка и с первых же слов чувствуешь переживания действующих лиц: создается настроение.

«Вечность движенья –

Область моя

¹ На вірші К. Бальмонта – поета-символіста, яскравого представника російської поезії Срібного віку Б. Лятошинський напише у 1923 р. свій ор. 8 – два романси для низького голосу, струнного квартету, кларнета та арфи, а також у 1924 р. ор. 11 – романс «Чайка» для високого голосу.

² Тексти Моріса Метерлінка, бельгійського письменника, драматурга і філософа, Б. Лятошинський використає 1924 року в ор. 12 – двох романсах для голосу з фортепіано.

³ Твори М. Метерлінка, за свідченням самої Маргарити, їй приніс батько, лікар Олександр Кузьмич Царевич: *«Папа вчера принес мне книгу очень интересного писателя – Метерлинка – символиста-декадента. Вчера прочли две его комедии, они поражают своей массой настроения. В его стихи надо вчитываться, а так сразу трудно понять»*. Ці слова з'явилися у щоденнику 28 березня 1913 року. Відомо, що 1911 року М. Метерлінк став лауреатом Нобелівської премії з літератури.

*Смерть и рождение,
Ткань бытия...» (Гете, Дух Земли)¹*

Но новое направление, мне кажется, не приняло ещё определенных рамок. Я думаю, мы находимся на рубеже. Оно должно вылиться в форму, совершенно отличную от старых образцов. Конечно, масса есть крайностей, например, новое течение – так называемые «футуристы»², порицающие красоту Венеры Милосской и противопоставляющие этой дивной статуе старый американский башмак, восклицая: «Вот красота, красота в самых обыденных жизненных вещах!» Этого я не понимаю. Вот я, например, гораздо больше понимаю Рахманинова, Скрябина, Глазунова, чем Гайдна, даже Бетховена. Может быть, я ещё не доросла до понимания, не знаю.

Immer weiter (Гете). Это изречение всегда меня заставляет содрогаться. Вот теперь хотя бы я пишу, а время идет равномерным шагом, все дальше и дальше я погружаюсь в вечность. И никак не остановишь! Ничем! Неумолимое! Бесстрашное время! Я живу почти 19 лет, а ведь о многом я не имею никакого понятия. И некого спросить. Все сама додумывайся, догадывайся. Ужасно жаль, что молодость так коротка – всего 30 лет, а старость 40 и 50, лучше было бы наоборот...

¹ Маргарита виписала ці слова з Й. В. Гете у кутку сторінки, згадавши невіпадково перед цим про К. Бальмонта, адже цей уривок був епіграфом до першого тому дореволюційного повного зібрання поезій К. Бальмонта «За пределы».

² У ті роки був проголошений маніфест футуризму (його повна назва «Обґрунтування і маніфест футуризму») – основоположний документ авангардистських течій у європейському мистецтві початку ХХ ст., опублікований Філіппо Томмазо Марінетті на першій сторінці французької газети «Фігаро» 20 лютого 1909 року, який заявив про культ майбутнього і руйнування минулого, відкидав усі страхи і пасивність, заперечував усі логічні зв'язки і правила.

У 1913 році Борис Лятошинський завершує навчання у Житомирській гімназії і, за наполяганням батька, складає вступні іспити до юридичного факультету Київського університету. З цією подією пов'язаний неминучий переїзд Бориса до Києва. Але думки про музику не залишають юнака. Наприкінці 1913 року його мати передає Р. Глієрові партитуру Фортепіанного квартету сина. Рейнгольд Глієр, тоді вже авторитетний композитор, не міг не побачити неабиякого музичного обдаровання Б. Лятошинського й погодився готувати його до вступу у щойно відкриту Київську консерваторію.

Живучи у Києві, юний Борис підробляє собі на життя уроками гармонії. Так і відбувається його знайомство з родиною лікаря Олександра Царевича. У щоденнику Маргарити Царевич залишився короткий запис про враження молоді дівчина від нового вчителя:

1 апреля [1914 р., Київ]

Кончился мой милый дневник. Что-то будет дальше? Что-то выйдет из нашей гармонии? Я, кажется, экзамен держать не буду. Бедному Борису Николаевичу трудно меня чему-нибудь научить. Ведь я положительно ничего не делаю. Хорошая наша компания. Право! Все симпатичные. Б. Н. кажется мне все-таки не совсем обыкновенным человеком. Скрытный, верно, ужасно. Но это и хорошо. Зачем всем раскрывать свою душу? Для чего? Мне его музыка нравится. Он талантливый!

Уже з листування Маргарити та Бориса влітку 1914 року бачимо досить приятні, оповиті романтичним ореолом стосунки вчителя та його учениці. У коротенькій записці до Бориса Лятошинського Маргарита пише:

Вы устали, мой бедный друг! Я это видела ещё в Ворзеле, Вы сильно изменились за последние дни. Страшно! Я пишу Вам, а, между тем, мне кажется, что говорю с Вами. Поэтому в моем письме мало связи. Теперь Вы успокоились. Глиэр Вас ободрил, в консерваторию, безусловно, поступите. Остается немного позаниматься.

У листі до Маргарити від 23 серпня 1914 року Борис Миколайович переживає за її освіту, а також ділиться з нею своїми думками. Лист пронизаний тремтливістю перших почуттів:

Юлия Ивановна¹ хотела бы, чтобы Вы поступали на курсы, а уроки пения брали у кого-нибудь на дому. Потому что консерватория отнимет слишком много времени. Да неужели же это может быть? Я не могу даже представить себе Вас курсисткой. Зачем Вам это? <...> Завтра пойду к Глиэру. Право, я страшно боюсь этого. Что я скажу? Говорить неправду не хочется, а правда так страшна. Действительно: что сказать ему? Мне уже начинает что-то мерещиться. Только что я слышал крик совы, но ведь в городе ей неоткуда взяться. Как странно сейчас у меня в голове! Как много в ней сейчас всего! Вот идут молчаливой тоской светлые воспоминания, светлые, все светлые, потому что в них во всех я думаю о ней, а вот идут тоже светлые лучезарные мечты о будущем, милые грезы о милой сказке, любимой девушке. Ах, сказка, волшебная сказка! Все они, мечты и воспоминания, сменяют друг друга, чудесно сплетаются в одно, то вянут, то вновь расцветают нежно.

Как хорошо, милая! Сегодня, когда я в первый раз играл тут на рояле, с двух сторон стояли две розы – красная и желтая и кивали мне своими головками. Вот и сейчас рояль открыт и на нем лежат три части квартета, а с двух сторон стоят розы. Вот мы идем по заколдованному лесу. Деревья расступаются перед нами, дают нам дорогу, когда же мы проходим, они смыкаются за нами, стоят стеной, закрывают от нас дом. Мы одни. Ах, как я рад этому, милая, родная! Я так устал, я так боюсь, что со мной будет впереди, я так рад, что мы одни, что я могу тихо опуститься перед тобой на колени, взять твою руку и так тихо, тихо целовать её, положить милые руки на свою голову. Ах, ласкайте меня, милые, нежные руки, ведь я так люблю вас. Как хорошо посидеть так тихо рядом с ней. Милая, ты со мной?

¹ Юлія Іванівна Царевич (Фовицька) (1870–1963) – матір Маргарити Царевич, піаністка.

Да? Да! Да! Милая моя, чудесная сказка, светлая волшебная фея, родная, любимая девушка, я всегда там, я всегда с тобой. Люблю тебя, родная моя.

Протягом 1914–1915 років молодий композитор пише низку фортепіанних п'єс та романсів для своєї коханої¹. Зберігся уривок із запису Б. Лятошинського про кілька днів перебування влітку 1915 року у Ворзелі:

Вчера полдня ушло на уроки, потом читал и даже начал читать юридическую науку, потом опять пошел к вам. Вечером принес цветы. Весь вечер я был в лесу. У Юлии Ивановны были гости. Я не появлялся – так не хотелось никого видеть. Родная моя, отчего ты не со мной? Я так устал сейчас. Мне так хочется стать перед тобой [на колени], я хочу так низко, низко опустить голову, чувствовать на ней твою руку милую, милую руку. Родная моя! Чистая мечта моя! Как я тоскую за тобой. Скорей бы прошли эти дни. Если бы скорее пришел тот волшебный вечер, когда ты станешь царевной. Милая! Как мне хорошо бывает мечтать об этом. Так хорошо! Любимая моя! Ты так чиста, так светла, милая, милая моя. Это будет такое светлое счастье! Если б не было со мной всегда той мечты, как тяжело было бы. Царевна моя!

В п'ятницю я начал сочинять ноктюрн. Не понимаю совершенно, хороший он или нет. Кажется, очень странный и непонятный. Почему меня почти всегда так мучит то, что я сочиняю? Страшно утомляет. Милая, любимая, это будет для тебя. Сегодня в субботу выучил *Erigite* и Колыбельную прелюдию. Сегодня у меня опять совпали три урока. После третьего у меня голова кругом пошла. Потом учил *Скрябина*.

¹ Далі згадуються романс на вірші А. Фета, романс ще без тексту, а також Ноктюрн, мабуть, для фортепіано. На жаль, жоден із цих рукописів не зберігся.

Как хорошо, родная! Вчера я принес тебе такие хорошие розы. Такие желтые, как нам нравятся, две на одной веточке, совершенно одинаковые. Они были ещё бутонами. Сегодня же утром, когда я вошел в Вашу спальню, то увидел, что они уже раскрылись, так красиво. Как жаль, что не увидишь их. Милая, родная моя, как люблю тебя! С каждым днем становится тоскливее. Хорошо только тогда, когда приходит ко мне моя мечта. Темный лес становится светлым, я вижу тебя, милая моя. Люблю, люблю тебя, родная. Сейчас начало 9-го, уже видна луна. Как сегодня опять будет печально в лесу... Будет светить луна. В пятницу на небе было хорошо. Вечером были чудные облака.

В воскресенье было страшно тоскливо. Не мог найти себе места. Ничего не писал. Начал тогда сочинять новый романс для тебя, родная. С Ноктюрном такая страшно грустная история! Тяжело было, что не было ещё письма. Вечером так грустно было, что боялся идти в лес. Играл Вагнера по просьбе Юлии Ивановны. Потом Юлия Ивановна позвала на маленькую веранду показать как красива луна среди облаков. Ещё хуже стало. Так больно было, что не было тут со мной милой моей. Потом пошел в лес. Тоска.

Понедельник. Спасибо, спасибо, родная, за письмо. Так хорошо вышло. Я встретил почтальона, когда шел в лес. Милая! Когда я читал его на волшебной скамеечке, было так радостно! И вместе было и больно. Родная моя! Любимая! Маленькое письмо прочту завтра. Радость и тоска. Когда увижу, скажу больше. Я получил его, когда нес новый романс, который сегодня кончил. Это «Шепот, робкое дыханье». Сегодня, значит, мы оба обменялись письмами. Когда прочел письмо, долго сидел в лесу. Потом после чая сочинял у вас ещё один романс «Листья шумели уныло». План его довел до конца. Потом долго, долго был в лесу. Теперь уже очень поздно, сплю и вижу такой хороший, такой светлый сон. Спасибо, спасибо, родная моя, спасибо, любимая, доброй ночи!

Вторник. Доброго утра, любимая! Сегодня второй день дождь. Страшно боюсь, как бы и в пятницу его не было,

он разобьет все то, что я затеял. Сегодня опять были все три урока вместе. Устал. Письмо прочту в 7 1/2 вечера на волшебной скамейке. Сочинил только что до половины новый романс. Хочу успеть сочинить его к приезду. Слов ещё пока не нашёл. Не знаю, где и искать. Милая, милая, как хорошо. Я только что чувствовал и видел тебя. Ты приходила в 8 часов к волшебной скамейке. Родная моя! Как я долго не хотел открывать маленького конвертика, хотел, чтобы это было ещё впереди, а не позади. Прочел его. Так хорошо! Доброго утра! Я каждое утро говорю это тебе. Хорошо было сегодня на нашей скамейке. Милая моя! Хорошо, но и больно, как больно! Где-то ты в это время, что делаешь? Любимая моя! Я пишу это на волшебной скамейке. Сейчас 9 часов. Милая, родная моя, светлая моя!

Згадка композитора про написання романсу на слова О. Плещєєва «Листья шумели уныло», на нашу думку, потребує окремого тлумачення. Річ у тім, що цей твір з'явиться лише 5 грудня 1922 року, про що свідчить його автограф, який зберігається у Кабінеті-музеї Б. М. Лятошинського: «У біловому рукописі романсу, підготовленому до друку у 1924 році, є примітка після завершального такту: “К напечатанию разрешается. 3/І 1924”». Однак на рівні видавництва проект тоді не був реалізований. Уперше твір було надруковано 1969 року в Києві у видавництві “Музична Україна” з українським перекладом тексту Михайла Литвинця»¹. Отже, між згаданим у щоденниковому записі наміром юного Лятошинського працювати над ним і написанням романсу минуло вісім років.

Щоправда, можна припустити, що юнацький романс «Листья шумели уныло» все ж таки був написаний 1914 року, адже у цитованому уривку зі щоденника композитор зазначає, що навіть «план його довів до кінця». Однак, рукопис твору, на жаль, не зберігся. Можна лише здогадуватися, що

¹ Коментарі // Лятошинський Б. М. Романси 1920-х / Борис Лятошинський ; упоряд. І. Б. Савчук ; Ін-т проблем сучас. мистец. НАМ України. – К. ; Ніжин : Лисенко М. М., 2014. – С. 271–272.

він міг мати яскраво виражені романтичні риси, притаманні романсам 1914 року (усього збереглося 13 автографів цього періоду). Тим часом, «Листя осіннє шуміло» (тв. 6, № 2, 1922 р.) – це своєрідна експресіоністська замальовка, у якій поетична інтонація загострена хроматичними інтервалами (знаковий для автора принцип мело декламації), поліритмією та септакордовими звучностями фортепіанного супроводу. Використання ж хроматичної тональності подарувало композиторові широкий спектр колористичних барв, спрямованих на змалювання відверто трагічного образу.

Чи не найтрагічніший з усього пласта романсів 1920-х років цикл тв. 6, до якого увійшла ця камерно-вокальна мініатюра, утверджує тему смерті, скінченності людського буття. Скажімо, у романсі «Прокляте місце», тв. 6, № 1 «квітки <...> все бліді, наче смерть <...> лише квітка одна <...> в гарячій багрянці стоїть <...> кров'ю земля напоїла, напившись сама». У романсі тв. 6, № 2 «Листя осіннє шуміло» «<...> місяць світив, і в могилу мовчки спускали труну. Так без плачу схоронили і розійшлися всі знов, тільки <...> місяць дививсь і холів <...>». Трагічним за змістом є і романс тв. 6, № 3 «В піску на дальнім перехресті»: там «<...> на дальнім перехресті самоубивця труп лежить. Над ним розвився квіт блакитний, самоубивців квіт».

Зрозуміло, що звернення 1914 року молодого композитора до трагічних мотивів поезії О. Плещеева можна пояснити різними причинами. По-перше, це було передчуття початку Першої світової війни, коли абсурдність, апокаліптичність та екзистенційна безвихідь затьмарювали уяву молодого романтика. По-друге, на прикладі романсів, які написав Б. Лятошинський протягом 1914 року, можна констатувати формування трагедійного типу його світогляду, який І. Савчук визначає як інтровертивно заглиблений, що характеризує модель існування Майстра через категорію «екзистенція як невротизм»¹. По-третє, у цей час, як уже згадувалося, композитор переживає

¹ Савчук І. Б. Екзистенційні мотиви світобачення Бориса Лятошинського (екскурс 1920-х років) / І. Б. Савчук // Київське музикознавство. – Вип. 5. – К., 2000. – С. 152.

почуття закоханості до М. Царевич. Можливо, використавши поетичне послання О. Плещеева про самовбивцю, митець алегорично хотів розповісти коханій, як сильно він тужить за нею.

Струнний квартет *ре мінор* оп. 1. Рефлексії про власну творчість

З листів відомо, що написання Струнного квартету оп. 1 викликало у Бориса Лятошинського захоплення власною роботою. Надалі жодний його твір не матиме такої вербальної уваги з боку автора. Чого тільки варте таке висловлювання дуже вимогливої до себе людини, яке ми знаходимо зверху сторінки: *«Или я совсем не умею ценить свои сочинения, или, по-моему, этот квартет выходит очень хорошим»*¹. У 1915 році у зв'язку з Першою світовою війною Київську консерваторію було евакуйовано до Ростова, а Київський університет – до Саратова. Цікаво, що Саратов не раз немов символічно несподівано з'являвся у житті Бориса та Маргарити, адже 1941 року вони знов опиняться у цьому місті в евакуації разом із частиною Московської державної консерваторії.

Але повернімося до 1915 року. До Ростова переїжджає Маргарита разом з усіма студентами Київської консерваторії. Борис же повинен мандрувати між Ростовом, Саратовом та Ахтиркою – містечком Харківської губернії, де на той час працювало Житомирське комерційне училище, директором якого був батько композитора – Микола Леонтійович Лятошинський. Наприкінці 1915 року Київська консерваторія повертається до Києва, а Київський університет лишається в Саратові.

В архіві композитора зберігаються листи до Маргарити, датовані груднем 1915 року, написані з Ахтирки. Після складання восени 1915 року іспитів у Саратові, Борис сідає на поїзд, щоб провідати батьків в Ахтирці. Саме там, сумуючи за коханою, він пише свій Струнний квартет, не перший у цьому жанрі, але перший, на якому композитор поставив позна-

¹ Письмо Б. Н. Лятошинского М. А. Царевич от 27 декабря 1915 г. Ахтырка. – Київ. Кабінет-музеї Б. М. Лятошинського.

чку ор. 1¹. За цими листами можна простежити, як ішла робота над твором, як у турботах і думках про кохану відлітали в минуле останні дні 1915 року².

17 декабря [19]15 г., Ахтырка. *Завтра начинаю заниматься. За завтрашний день обязательно кончу Andante квартета и перепишу его в партитуру.*

19 декабря [19]15 г., Ахтырка. *По утрам сажусь заниматься. Не успел, как хотел раньше окончить Andante вчера. Чтобы лучше вышло, не спешил. Сегодня почти уже кончил, осталось очень-очень немного. Сегодня вечером кончу, а завтра утром пойду проиграть его на пианино (сегодня начальница училища через папу прислала мне ключ от пианино). Котя маленький! Порадуйся вместе со мной. По моему, Andante вышло очень хорошо! То место во 2-й теме я переделал. Теперь точно хорошенько обдумаю последние такты и будет отлично. Сейчас я от этой части Квартета в восторге. Не знаю как потом будет. Во всяком случае это вышло, по-моему, безусловно красиво и цельно. Нет, по моему, ни одного скучного места. Завтра, 20-го, когда исправлю кое-что после того, как проиграю его, перепишу его в партитуру. Завтра же начну что-нибудь другое.*

21 декабря [19]15 г., Ахтырка. *Сегодня проиграл на фортепиано и окончательно отделил Andante. Я очень был бы доволен им, если бы не это проклятое сходство с одной фразой из «Октета» Глиэра. В общем, все-таки оно отлично вышло. Потом стал думать о том, как продолжать Квартет, за какую часть приняться, и тут вдруг мне*

¹ На першому курсі консерваторії, 1914 року, Борис пише Струнний квартет *до мінор*. Із чотирьох частин збереглися три. У такому незавершеному вигляді цей квартет був виконаний 1980 року і викликав велику зацікавленість слухачів.

² Ці листи частково цитувалися у статті Пі Царевич «Перший твір» (журнал «Музика» № 1 за 1985 рік). У пропонованій же статті розширено деякі опубліковані раніше цитати, а також доповнено їх новими.

пришел в голову совершенно готовый мотив для первой части в русском духе, да такой, на мой взгляд, удачный, что привел меня в восторг. Я скорее его проиграл и записал. Теперь он у меня все время стоит в ушах, надо скорее приниматься за сочинение, а то, чего доброго, он успеет мне быстро надоесть. Второй темы ещё ясно не представляю себе, но не беда. Меня очень радует эта тема. Если только сегодня получу письмо, хорошо выйдет 1-я часть Квартета.

24 декабря [19]15 г., Ахтырка. Я ещё яснее почувствовал, как люблю тебя. Милая Рита, милый котя, милая, милая маленькая девочка моя, друг мой нежный! Больше всего и больше всех! Больше света, больше искусства. Да, больше всего! Понимаешь, что это значит, милая моя?! Я занимался тут первые дни много, но потом ничего не мог делать в эти дни. Я уже писал, что *Andante* переписал в партитуру и очень им доволен. Оно будет очень красиво, полно и вместе с тем изящно звучать. Вот только эта несчастная вторая тема. Что мне с ней делать? Кроме того начал 1-ю часть Квартета тоже в русском духе. Тема на фортепиано отвратительна, но на струнных инструментах получится очень хорошо. Успел написать немного, только одну страницу, приблизительно до 2-й темы, которая мне пришла в голову одновременно с 1-й, но сначала не понравилась, теперь же мне она нравится больше, так что я, по-видимому, в конце концов возьму её. 1-я часть получается тоже очень хорошо (котя, ты не смеешься, что я себя так расхваливаю? Скажи правду!). Громадное удовольствие сочинять этот Квартет. Завтра, чувствую, почти что кончу 1-ю часть, если совсем не кончу. Сейчас мне так хорошо, так легко, что я буду сочинять всю. Скерцо будет, как говорил котя маленький, небольшое, но изящное. Для финала, по-видимому, не буду брать русской песни, а лучше свою – тут у меня нет никакого сборника песен. В общем, когда получишь это письмо, котя, то знай, что дело идет полным ходом. Для милой тоже что-то такое сочиню, а что – не скажу.

25 декабря [19]15 г., Ахтырка. Рано утром в 9 часов пошел бросил то большое письмо, потом вернулся домой, выпил чай и пошел в Коммерческое училище играть, играл там долго до 1 часу дня. Все возился с Квартетом. Пришел домой, пообедал и сел писать дальше Квартет, потом перед вечером ходил с сестрой к тетке отнести им какую-то рубашку, которую мама сшила для их девочки, когда её будут крестить (это будет в воскресенье, но я не пойду – противно). Вернулись, пили чай, опять Квартет.

Сегодня Квартета (т. е. 1-й части) я ещё не кончил, но завтра обязательно кончу. Как странно: теперь мне гораздо больше нравится вторая тема, чем первая. Курьёз! Квартет годится только для струнных инструментов. На фортепиано он теряет добрую половину своей звучности. Я очень этим доволен: на то он и струнный. В первой части в переходе от первой темы ко второй есть одно место, которое мне сейчас очень нравится. Там опять *pizzicato*. Этот Квартет выходит в некоторых местах очень изящным. Мало в нем раздражающего душу и уши. Но это правильно. Мне кажется, я правильно думаю, что патетический и трагический характер больше подходит для фортепианного трио или фортепианного квартета, вообще для струнных обязательно с фортепиано. Если одни струнные без поддержки рояля станут играть что-то потрясающее, то как бы не вышло это только смешно. Конечно, не всегда, нужно уметь сделать это, но часто, безусловно, это бывает так. Струнный квартет не может дать большой силы. Ах, как бы я хотел, чтобы после Рождества я мог услышать этот Квартет! Как хорошо, что это можно будет сделать в классе ансамбля.

26 декабря [19]15 г., Ахтырка. А я сегодня опять утром ходил играть, потом сочинял Квартет. В прошлом письме я писал, что я его сегодня обязательно кончу, а вот сейчас сказать не могу, кончу или нет. То есть, кончу ли записывать, потому что в голове у меня уже есть план до конца. Милая, правда ты довольна, что Квартет выходит так хорошо? Обе темы в I части мне теперь нравятся. Сегодня я писал разработку. Получается как-то само собой хорошо и

красиво и, главное, от начала до конца в русском духе. Стараюсь, чтобы было не длинно. I часть ни в коем случае не хуже Andante, даже лучше. Милая, милый мой, нежный друг, как мне будет хорошо, когда ты будешь слушать этот Квартет. Помню, как-то ты говорила, что камерная музыка вообще мало производит на тебя впечатления, а вот увидишь, что этот Квартет тебе понравится. Вот увидишь. Это потому, что я теперь, когда сочиняю его, все думаю о милой и о том, как бы это так написать, чтобы ей понравилось. Если б ты видела меня в Коммерческом училище, когда я сочиняю и играю этот Квартет, то, верно, смеялась бы. Котя милый, котя любимый! Тормозит мне работу то, что пианино находится так далеко от меня, часто прежде чем записать, бывает очень важно проиграть то, что пришло в голову, а тут нельзя этого сделать. Хорошо, что I часть я уже почти что совершенно кончил. Это самая трудная часть. Скерцо будет очень коротенькое, финал тоже недлинный. Только что перестал писать письмо и принялся опять за Квартет. Так хорошо соединять это вместе. Ура, котя! Уже почти совершенно кончил I-ю часть, осталось только небольшое заключение, и готово. Самое трудное, разработка, уже сделана, вторая тема повторена, остается только самый конец. Вот хорошо. Значит, завтра утром кончу и примусь за что-нибудь другое.

27 декабря [19]15 г., Ахтырка. Квартет, т. е. I-ю часть я сегодня кончил. Хорошо, котя? Скажи. А когда играл сегодня на пианино, то вдруг откуда-то появилась и запрыгала передо мной I-я тема для 4-й части. Я, конечно, скорее поймал её и пригвоздил нотными крючками к бумаге. Тоже в русском духе. И откуда это они берутся с этим русским духом? Я даже не просил ещё эту тему прийти, думал ещё о I-й части, а тут она откуда-то сама явилась. Сегодня же вечером или завтра утром принимаюсь за финал. Скерцо напишу после 4-й части. I-й частью я очень доволен от начала до конца. Темой для финала тоже. Ужасную я глупость сделал, что мало взял сюда с собой нотной бумаги, так что не могу, например, переписывать остальных частей квар-

тета в партитуру. 1-ю часть я хочу даже сразу переложить в 4 руки, если хватит бумаги, чтобы мы могли его сыграть. На фортепиано тоже хорошо получается, особенно 2-я тема. Страшно хотелось бы мне, чтобы мы его сыграли! Вот увидишь, котя милый, что получилось хорошо. Кстати, этот Квартет и значительно легче технически, чем предыдущий, хотя разработка в нем лучше. Нет, кажется, завтра не буду сочинять финала, а лучше «что-то другое». Финал – послезавтра. Так будет лучше. Пусть сперва 1-я часть немного забудется, тогда финал выйдет лучше.

28 декабря [19]15 г., Ахтырка. Теперь о хорошем, милая! Вчера я уже лег спать, потушил свечу, как вдруг самым нахальным образом мне помешали заснуть. Сначала что-то такое начало неясно прыгать перед глазами, потом это прыгающее начало подходить все ближе и, наконец, я разобрал, что это не что иное, как тема для Скерцо. Сначала я её прогонял, потому что мне очень хотелось спать, но она так настойчиво лезла в голову, что пришлось, наконец, зажечь свечу и записать её. Иначе я бы от нее до утра не отделался. В общем, я сегодня утром начал писать на эту тему Скерцо. Это уже специально для тебя, котя. Про Скерцо нарочно ничего не буду говорить. Почему – потом узнаешь. А все-таки скажу: оно не такое, какое я хотел написать ещё в Ростове, а в другом духе (я писал уже об этом). Так как оно будет очень-очень небольшое, то я его сегодня же думаю и кончить. Нотной бумаги не хватает. Приходится отрывать от старых сочинений чистые листы и писать на них. Вот беда. Для тебя, котя, я тоже что-то такое напишу. Хорошее!

Между прочим, хотя в Коммерческом, конечно, занятий никаких нет, но все-таки откуда-то берутся каждый день разные «хари», которые заглядывают в ту комнату, где я играю. Хорошо, что есть очень глухая сурдина, так что можно, когда хочется, играть так тихо, что в соседней комнате ничего не слышно.

29 декабря [19]15 г., Ахтырка. Сочинял сегодня Скерцо и почти что совершенно окончил его. Надо ещё только

проиграть его на фортепиано и кое-что исправитъ. Котя, милый, сейчас ты будешь смеяться и скажешь: вот хвастун! Оно мне тоже очень нравится. В особенности средняя часть, которая вышла невероятно изящной. Видишь, котя, я послушался тебя и написал Скерцо, какое ты советовала, маленькое и изящное. Только вот в чем дело: та тема, про которую я писал в письме, это была тема для средней части, когда же я стал думать, какая же должна быть первая часть Скерцо для того, чтобы оттенить среднюю часть, то оказалось, что самой подходящей вышла тема очень похожая на мое Скерцо из 1-го струнного квартета. Сначала я не хотел её брать, но потом рассудил, что почему же мне не взять её. Во-первых, это моя собственная тема, во-вторых, в этом квартете все новое, так что меня нельзя обвинить в том, что я не могу сочинить что-нибудь новое, а, в-третьих (самое главное), почему, если в литературе некоторые авторы одного и того же героя часто выводят в нескольких романах, то я не могу взять тему, похожую на мою же тему (очень даже похожую), в другое сочинение. Тем более, что она как нельзя лучше подходит к новой теме. Правда? По-моему, да. В общем Скерцо готово, и мне оно, конечно, нравится теперь больше остальных частей. Завтра будет два дела – утром сочиню что-то для милой, а вечером примусь за последнюю часть. Вот только ещё нет у меня 2-й темы для финала. Думаю, что завтра она явится ко мне.

Милая! Милая моя царевна! Как я доволен этим Квартетом, если б ты знала! Откуда-то являются ко мне все эти темы. Вот хорошо. Особенно я доволен тем, что в этом Квартете много более или менее широких тем, что, мне кажется, мне вообще удавалось хуже. В этом отношении этот Квартет много удачнее и выше, чем предыдущих. В первой части, по-моему, очень красивая певучая 2-я тема, в Скерцо – тоже 2-я. В *Andante* две и ещё в Финале должна быть 2-я тема. Скерцо будет второй частью, а *Andante* – третьей. Так лучше по многим соображениям. Первая часть получилась знаешь в какой тональности, котя? Я говорил раньше, что она будет в *C-dur*, а вышло не так – *d-moll*. Как

меня радуют эти вторые темы! Котя, а ты радуешься вместе со мной, да? То есть, хочешь, иду с тобой даже в пари на что угодно, что вся эта история тебе понравится. Хочешь? Дай же руку. А то, что я для тебя сочиняю теперь, тебе тоже должно понравиться. Только оно, конечно, совсем в другом духе: не русское и не такое бодрое, и, если можно так выразиться, не такое определенное, как этот Квартет.

30 декабря [19]15 г., Ахтырка. Сегодня утром я ходил играть. Проиграл Скерцо. Очень им доволен. Потом сочинял. Для милой у меня уже что-то есть. Думаю, что будет довольна. Потом немного начал сочинять финал. Взял сам с себя честное слово и даю его сейчас коте, что финал окончу послезавтра утром. Это будет 1-го. 1-го же обязательно буду сочинять новогодний подарок дяде Гольдику – фугу. Остальные два дня тоже буду что-то сочинять, а что – секрет. В общем, когда маленький котя получит это письмо, то Квартет уже будет безусловно кончен. Поздравь меня, котя, право есть с чем поздравить. Первую часть хочу ещё успеть переложить в 4 руки. Пожалуй, успею. Это ведь скорее, чем писать новое.

31 декабря [19]15 г., Ахтырка. Сегодня сочинял финал. Сочинил довольно много. Завтра, по-видимому, кончу, как и собирался. Стараюсь, чтобы финал хорошо вышел, а то ведь так часто бывает, что последняя часть самая некрасивая, потому что, пока дойдет до нее композитор, то уже надоест ему писать это сочинение и, чтобы поскорее отделаться, пишет что-нибудь, лишь бы было четыре части! В общем, Квартет почти готов, и для меня будет прямо-таки невероятное удовольствие, чуть ли не счастье, когда я его услышу. Кроме того, это будет для меня очень полезно, ведь я до сих пор со стороны ещё не слышал ни одного своего сочинения, а между тем это очень важно. Только тогда можно правильно отнестись к своему сочинению, услышать, что хорошо звучит, а что нет. А как это приятно должно быть слушать, конечно, если не замечаешь, слушая, что написал ерунду. Обязательно устройю это. Глиэр говорил, что в классе ансамбля это всегда можно сделать.

Нестримне прагнення до музики...

Одночасне навчання у двох вищих навчальних закладах не дається Борисові так легко. Він не залишає університету через повагу до батька і блискуче його завершує, але юридичні науки відволікають його від музики, йому тяжко переживати період «зубріння» при підготовці до іспитів. Про це можна прочитати у його листах до Маргарити. Усі вони пройняті сумом за коханою дівчиною, тим більше, що, на відміну від розлуки кінця 1915 року, в цей період зими-весни 1916 року Борис не має можливості займатися композицією. Лише зрідка він викрає для цього час і вносить ремарки до Квартету. Юнак мріє лише про те, аби швидше закінчити юридичну освіту і навіть допускає думку про дострокове завершення навчання в університеті.

19 февреля [19]16 г., Ахтырка. Если я теперь перейду на 4-й курс, то у меня на будущий год останется только б экзаменов, включая в это число и перенесенные с государственных. Значит, если в будущем году буду на 4-м курсе, то уж, наверное, окончу в тот год университет. Три экзамена до Рождества, три весной, и готово. Теперь только надо, значит, хорошо «зубрить»! Подумай только, котя, если я в будущем году окончу университет, то как интересно получится: в будущем году я и в консерватории тоже окончу все теоретическое, и мне останется только практическое сочинение. Хорошо выходит. Я все время думаю об этом, и, хотя мне теперь очень невесело сидеть за юридическими науками, но, когда подумую об этом, становится легче.

21 февраля [19]16 г., Ахтырка. Котя милый, скажу тебе мрачные вещи насчет моих юридических наук. Это по секрету: они меня, кажется, со свету сживут. Ну это, конечно, шутка, но, право, милая, если б ты знала, как мне тяжело заниматься! Именно тяжело, а не трудно. Плохо мне, милая. Недалеко от меня лежит Квартет, так и тянет к нему, а тут нельзя. Но я обязательно хочу окончить в будущем году университет, что будет вполне возможно, если я теперь перейду на последний курс. Я таки после вечер-

него чаю больше не занимаюсь, а понемногу привожу в порядок Скерцо и Andante. Все-таки надо будет обязательно устроить этот вечер в консерватории. Не сердись, что мало сегодня пишу, все это из-за нее, из-за этой старой сплетницы – юриспруденции.

Наприкінці квітня 1916 року Борис їде до Саратова для складання іспитів у Київському університеті. Туга через розлуку з Маргаритою, необхідність вивчати «ненависну» юридичну науку зростає. Маргарита в ті роки стає для нього найближчою людиною, він розповідає їй усе. Попри те, що у Саратові в цей час живе його сестра Ніна, Борис почуває себе зовсім самотнім. Він страждає не лише від неможливості займатися композицією, а й через відсутність концертів. Іспити його збігаються в часі з іспитами Маргарити у консерваторії, і його, як її учителя, хвилює гармонія. Фактично він продовжує свої уроки в листах, пропонуючи їй щоразу власні схеми для розв'язання задач із гармонії.

Цікавим для нас є лист від 2 травня 1916 року, у якому Борис і хвалить Маргариту, і водночас ставить перед нею нові завдання. Уже тоді виявляється його педагогічний хист, професійний підхід до викладання предмета:

Скажи мне вот что, котя. Почему это так? Задача вся очень хорошо решена. Везде есть движение. И вдруг чего-то в 5-м такте все голоса половинными нотами. Я очень смеялся над этим местом: видно, коте маленькому стало на экзамене очень скучно и захотелось для развлечения хоть один раз кивнуть н...о. Вот почему-то не захотелось мне писать этого слова. Одно – некрасиво, а второе – уменьшительное, мне не нравится. Я так и представил себе это. От того это вышло так, правда? Ну, в общем, все хорошо кончилось.

Повернімося до Саратова 1916 року:

18 апреля [19]16 г., Саратов. *Но, милая, как это все тяжело для меня! Тут я совершенно один, среди чужих людей: сестра и её муж не считаются, так как у нас с ними такие отношения, что обе стороны мало друг другом интересуются.*

19 апреля [19]16 г., Саратов. Если хочешь доставить мне удовольствие, то сыграй несколько раз начало из нашего последнего сочинения (в кварттах)¹. Это наше общее, а не только мое сочинение: ты знаешь, почему. Я так рад этому. Милая, любимая моя! Я так хотел бы сейчас сам сыграть это, но не могу: сыграй же ты и думай тогда обо мне. Знаешь, котинька, там есть и ты, и я. В начале весь мотив в кварттах. Если сыграть отдельно нижний голос, то получится тот же мотив, что и в верхнем, только в другом тоне кварттой ниже, не си-бемоль минор, а фа минор. Это вышло так оттого, что в нем ни разу не затрагивается соль-бемоль, которого в фа миноре нет. Видишь, котинька, как вышло: одновременно два параллельных...

24 апреля [19]16 г., Саратов. В Москве я буду 12-го в 1/2 дня. За это время я очень хотел бы побывать на кладбище, где похоронен Чайковский. Котя, милый, посмотри в книге о Чайковском и напиши мне, где он похоронен, а то я забыл.

27 апреля [19]16 г., Саратов. Меня нет здесь, понимаешь – нет! Здесь, вместо меня, Бог знает что – какой-то студент-юрист.

4 мая [19]16 г., Саратов. Я уже заслужил себя право на хорошее лето, на то, чтобы летом жить там, где будет жить милая, как можно меньше думать о книгах и как можно больше о музыке. Как я уже соскучился за музыкой! Ведь ничего тут не слышу! Иногда прохожу по улице мимо какого-нибудь дома, где играют, и останавливаюсь,

¹ Швидше за все, композитор має на увазі одну з ранніх фортепіанних версій симфонічної мініатюри «Прелюдія у кварттах». М. Гордійчук пише: «З числа невідомих симфонічних творів Лятошинського варто зупинитися на трьох, дещо невеликих, п'єсах – “Прелюдія у кварттах”, “Інтермеццо” і “Фантастичному марші”, виникнення яких падає, ймовірно, на першу половину 1920-х років. “Прелюдія у кварттах” (рукописна партитура назви не має, проте вдова покійного композитора стверджує, що цей твір він називав саме так) – високопоетична симфонічна мініатюра, що відрізняється витонченістю загального колориту і прийомів оркестрового письма» (Гордійчук М. М. Невідомі сторінки / М. М. Гордійчук. – Музика. – 1975. – № 1. – С. 6–7).

чтобы хоть что-нибудь услышать. И не так музыка сама ушла от меня далеко, как музыкальные звуки. Звук рояля, полные аккорды... *ff*, *pp*, как это все хорошо. Ах, милая, милый мой котинька, когда же наконец будет то время, когда мы будем вместе с тобой, в гостинной, где так хорошо, стоит рояль и много нот.

5 мая [19]16 г., Саратов. Я уже говорил, что записался ещё на два экзамена. Обе книжки я уже купил. Очень большие и ужасно противные книжки. Особенно римское право. Такой гадости ещё никогда в жизни не видал! Ох, уж эти римляне!

7 мая [19]16 г., Саратов. Сегодня я получил от Глиэра открытку. Он пишет, что тему для фуги нам дадут 14-го утром, так что если я приеду 13-го, то успею ещё. Написать её надо будет за два дня к 16-му. Это нехорошо. Ведь в прошлом году дали три дня, почему же в этом году два? Придется сейчас же с дороги засаживаться за работу.

* * *

В епістоляріях з архіву Б. Лятошинського змальовано портрет молодого митця, щедро обдарованого долею, на зорі його професійної композиторської діяльності. Це витончений митець-інтроверт, занурений у бурхливе море власних почуттів, які він відкриває лише одній людині – любій Маргариті. Так було в далекій юності, так буде й усе життя, адже Маргарита стане найціннішим критиком його музичних експериментів. В одному з листів тих років Борис Миколайович пророчо написав своїй коханій:

«Котья, ты проживешь дольше меня, т. к. твой мотив появляется в самом конце – там, где моего уже нет мотива. В си-бемоль и фа миноре. Это ты и я»¹.

¹ З листа Б. Лятошинського до М. Царевич. Саратов, 19 квітня 1916 року.

Список використаної літератури

1. Гордійчук М. М. Невідомі сторінки / М. М. Гордійчук // Музика. – 1975. – № 1. – С. 6–7.
2. Копиця М. Д. Листи Майстра до Маргарити / М. Д. Копиця // Музика. – 2000. – № 6. – С. 7–9.
3. Лятошинський Б. Романси 1920-х / Борис Лятошинський ; авт.-упоряд. І. Б. Савчук ; Ін-т проблем сучас. мистец., НАМ України. – К. ; Ніжин : Лисенко М. М., 2014. – 287 с.
4. Савчук І. Б. Екзистенційні мотиви світобачення Бориса Лятошинського (екскурс 1920-х років) / І. Б. Савчук // Київське музикознавство. – Вип. 5. – К., 2000. – С. 150–158.
5. Туровська Н. А. Ранній період композиторської творчості як феномен еволюційного процесу: дис. ... канд. мистецтвознав. : 17.00.03 Музичне мистецтво / Туровська Наталія Антонівна ; Львів. нац. муз. акад. ім. М. В. Лисенка. – Л., 2009. – 198, [6] арк. : нот. – Бібліогр. : арк. 177–198.
6. Царевич І. С. Борис-Якса з Лятошина: До 100-річчя Б. М. Лятошинського / І. С. Царевич // Музика. – 1995. – № 1. – С. 9–11.
7. Царевич І. С. Перший твір (до 90-річчя Б. М. Лятошинського) / І. С. Царевич // Музика. – № 4. – Київ, 1985. – С. 5–7.
8. Шамаєва К. І. Лятошинський у Житомирі / К. І. Шамаєва // Музика. – № 1. – К., 1985. – С. 3–4.